

ROBERT M. WEGNER

OPOWIEŚCI Z MEEKHAŃSKIEGO
POGRANICZA

WSCHOD-ZACHOD

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

ВОСТОК-ЗАПАД

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84 (4Пол)
В26

Серия «Шедевры фэнтези»
Robert M. Wegner
OPOWIESCI Z MEEKHANSKIEGO POGRANICZA.
WSCHOD—ZACHOD

Перевод с польского: *Сергей Легеза*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2010 by Robert M. Wegner
Copyright © 2010 by Powergraph
© Сергей Легеза, 2016, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016
Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta
Dybowska
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВОСТОК
СТРЕЛА И ВЕТЕР

И СТАНЕШЬ ТЫ СТЕНОЮ

Постоялый двор «Вендор» стоял на восточной окраине поселения. И хотя Лифрев был не каким-то там местечком, а большим, насчитывавшим более двух тысяч жителей городом, что лежал на торговом пути между Меекханской империей и землями под властью се-кохландийских племен, все равно казалось, что «Вендор» попал сюда из совсем другого мира.

Прежде всего из-за его размеров. Само подворье было большим квадратом со стороной ярдов в шестьдесят, а северный и южный концы его подпирались двумя конюшнями, где могло одновременно разместиться более двухсот лошадей. С западной же стороны вставало основное здание.

Основное здание...

Было оно трехэтажным, что уже редкость в этих землях. К тому же построили его из кирпича, а не из серого песчаника, как большинство домов в городе, да еще покрыли красной черепицей, а такому могла позавидовать даже ратуша.

На этом, впрочем, красота постоялого двора и заканчивалась. Стены его были в три фута толщиной и скалелись щелями окон, высоких, но настолько узких, что и ребенок не проскользнул бы внутрь, к тому же закры-

вались они солидными, окованными металлом ставнями. Двери также не были просто украшением: толщиной в три пальца, низкие, проклепанные железными гвоздями и посаженные на петли шире мужской ладони, они подошли бы скорее для замковой стены, а не для гостеприимного постоянного двора.

Легко можно было представить себе, как в несколько мгновений дом превращается из приветливого к путникам места отдыха в огрызающуюся во все стороны стрелами крепость.

И, пожалуй, именно поэтому он прекрасно подходил пограничному городку и этим беспокойным временам.

Было уже порядком за полночь, когда на тракте застучали копыта десятка-другого коней. Несмотря на позднее время, многие из гостей еще не ложились, одно из окон-бойниц вдруг осветилось, кто-то крикнул, и вокруг вскипело внезапное движение.

Наружу высыпали люди, слуги и сонные конюхи побежали к животным, успокаивая их, помогая сойти всадникам. За слугами из постоянного двора принялись выходить гости, покатился гул разговоров.

- Серый Волк...
- Старый Войдас говорил ему, чтобы подождал...
- Ласкольник — это тот, кто поймал...
- Пару дней как он отправился в дикие поля за а'кеером гердоонцев.
- Ну, гляньте-ка, добрые люди...
- А и потрепали их, видать, стычка изрядная случилась.
- Вон, носит волчью...
- На лошадей смотри, Авент, на лошадей.

И вправду, как люди, так и кони выглядели погано. У одного из всадников голова обернута тряпкой, другой бросался в глаза порыжелой повязкой, кое-как затяну-

той на бедре, у кого-то еще рука на простой перевязи. На всех заметны следы схватки: порубленные панцири, треснувшие щиты и погнутые шлемы. Но куда важнее было то, как они сидели в седлах: сторбленные, пошатывающиеся из стороны в сторону, чуть не засыпающие на конских хребтах. А когда друг за другом начали они наконец-то спускаться на землю, то некоторое время покачивались на трясущихся ногах, не зная толком, что делать.

Еще хуже выглядели кони. Загнанные, худые, со сбитой шерстью и запавшими боками, они стояли, неловко раскорячившись, свесив головы и тяжело дыша. Картина беды и отчаяния.

На подворье появился владелец «Вендора», старый Бетт.

— Быстрее, ламаги! Лошадей в конюшни, расседлать, вытереть, расчесать, наполнить кормушки и поилки. Людей внутрь! Что, господин генерал, тяжелый день?

Мужчина, к которому он обращался, как раз сходил с сивого жеребца. На человеке был простой военный шлем со стрелкой-наносником, кавалерийская кольчуга, черные кожаные штаны и серая епанча — столько можно было рассмотреть в свете факела. Человек небрежно махнул трактирщику и сразу направился к стоящему чуть поодаль коню. В изукрашенном серебром седле, склонившись и обняв конскую шею, сидел молодой парень. Мужчина ухватил его за плечо и осторожно потянул вниз. Парень внезапно дернулся, заорал дурным голосом и обмяк. Из-под почерневшей повязки на его животе потекла кровь.

— Кайлеан!

Ближайший из всадников соскочил с седла и подбежал. Девушка. Одевалась она на мужской манер: шерстяные штаны, льняная рубаха, сапоги до колен — ничего странного в этой части мира, где женщины часто помогали мужчинам в перегоне стад и иных трудах, что тре-

бовали верховой езды. Но на рубаху ее была наброшена кольчуга с короткими рукавами, из-под нее высовывался край набивного колета, а широкий, мастерски сплетенный пояс оттягивала сабля. А это уже был отнюдь не привычный вид даже для местных женщин.

Девушка подхватила раненого за ноги, и вместе они внесли его на постоялый двор.

Военный бесцеремонно сдвинул кружки и миски с ближайшего стола. Осторожно положили парня на испятнанные вином и соусом доски.

Двое купцов, дремлющих оперев головы на сплетенные руки, вскочили с мест.

— Вы чего?! Чего... — затянул пьяным фальцетом тот, что помоложе.

Мужчина проигнорировал его, все внимание сосредоточив на раненом. Его спутница подошла к купцам и принялась что-то шептать, держа ладонь на рукояти сабли. По мере того как она говорила, боевой дух, казалось, покидал пьяниц, а потом оба они, бормоча извинения, поплелись в другой угол комнаты.

Офицер снял шлем, открывая взглядам седую челку, некоторое время осторожно осматривал раненого. Тяжело вздохнул и повернулся, ища взглядом своих людей.

— Бендарей, Рюта, Дагена, передайте остальным. Управятся в конюшне, вьюки — внутрь. Раненых сразу наверх. И пусть кто-нибудь позовет Аандурса.

Владелец постоялого двора уже стоял рядом:

— Слушаю, генерал.

— У него горячка, со вчера блюет кровью и желчью. — Офицер указал на парня. — Нам нужен медик, лучше всего Вайльхорн.

— За медиком я уже послал, но вот старый чародей... Хм... Нет его, пару дней как уехал в Верленн.

— Проклятие! Авейн не доживет до рассвета с такой раной в брюхе.

Берт покачал головой:

— Ничего не поделаем, генерал. Все в руке Владычицы. У меня три свободные комнаты наверху. Одну я уже приготовил для раненых.

— Буду благодарен. И одну — для женщин.

— Как обычно.

Девушка будто бы хотела что-то сказать.

— Не начинай снова, Кайлеан. В конюшнях нынче спит человек сорок возниц в подпитии.

— Ничего бы с нами не случилось.

— С вами нет — а с ними? И чего ты до сих пор здесь торчишь? Кажется, у твоего коня проблемы с передней ногою. И только ты сумеешь это чудовище расседлать, не будучи покусанной и стоптанной. Управься с ним и промой настоем из ромашки. Жаль такое славное животное.

Мгновение они мерили друг друга взглядом, серые глаза мужчины и зеленые — девушки. Наконец она гневно фыркнула, развернулась, метя воздух темно-русой косичкой, и вышла.

* * *

Утром она проснулась последней. Открыла глаза и некоторое время таращилась в беленый потолок, стараясь вспомнить подробности последних дней. Воспоминания были размытыми, неясными, наполненными жаром сражений, свистом ветра в ушах, стуком копыт идущих галопом коней и звоном скреещающихся сабель. А закончилось все долгим, отчаянным бегством да погоней, сидящей на загривке. Она произвольно дотронулась до повязки, стягивавшей ее левое плечо. Одеревеневшие мышцы болели сильнее раны.

Подъем казался дурной идеей, но со двора доносились звуки суеты, а остальные три женщины, с которыми она делила комнату, уже успели выйти.

Она тяжело вздохнула и, проклиная ноющие мышцы, сползла с кровати. В углу нашла миску и кувшин с водой. Умыла лицо, заплела косицу и собрала разбросанные части одежды. С предыдущего вечера она помнила только, что была так измучена, что стягивала их, мечтая о постели. Втиснулась тогда между Аеей и Дагеной и уснула, прежде чем обе прекратили ругаться.

Поколебавшись, она отбросила пропотевшие вещи в угол и вытащила из вьюков чистые. Зеленая рубаха, синий кафтанчик, темно-синие штаны, свежие онучи. Когда она наконец натянула высокие сапоги и препоясалась саблей, почувствовала себя куда лучше.

Кошмары предыдущих дней побледнели.

Она услышала стук когтей по полу, и из темного угла появился пес. Зверь был палевым, похожим на степного волка, но больше и массивней. В холке он доходил ей до середины бедра, а мощные челюсти, казалось, предназначались для дробления костей.

— Привет, Бердеф...— Она присела и почесала его за ухом.— Я уже боялась, что ты не сумеешь нас догнать. Хорошо, что ты вернулся, но не крутись здесь, особенно около конюшен. Кони этого не любят.

Пес заворчал и отошел в угол. Потоптался там по кругу и свернулся на полу.

— Ну ладно, если хочешь, то можешь остаться и здесь. Я иду в конюшни.

И вышла.

* * *

На подворье было людно. В «Вендоре», кроме ее отряда, стояли еще и купцы, идущие с караваном в Тенкор, несколько странствующих торговцев-

нищевродов, пара фокусников, группка пастухов и порядком иного люда — невесть каких занятий. В эту пору те, кто уже успел протрезветь или же, к досаде Бетта, не упился в прошлый вечер, суетились по всему двору. Караван — десяток тяжелых, крытых полотном фургонов, в каждый из которых впряжена была четверка лошадей. — собирался в путь. Предводитель его, красный с лица и со злостью в глазах, матерился, будто сотня сапожников, ясно давая понять, что именно он сотворит со своими возницами, ежели те тотчас не пустятся в дорогу.

— Сейчас же! — надрывался он, размахивая руками. — Слышите, недостойные и плевка козьи ублюдки?! Сейчас же!!

Фургоны неторопливо покидали подворье с эскортом двадцати вооруженных до зубов всадников.

Несколько она узнала. Чаардан Веторма.

Она свистнула в два пальца и помахала последней двойке. Те поприветствовали ее в ответ, не пытаясь перекрикивать царящий здесь бедлам.

Сам Веторм, в седле, чуть склонившись, как раз разговаривал с Ласкольником. Командира она узнала, главным образом, по седой шевелюре. Одетый по-праздничному, гладко выбритый, выглядел он так, словно несколько последних дней провел, вылеживая под пуховой периной.

Наконец Веторм кивнул, улыбнулся, пожал Ласкольнику руку и погнал вслед каравану.

Кха-дар неспешно подошел к ней:

— Доброго дня, Кайлеан. Как спалось?

— Доброго дня, кха-дар. Не знаю, не помню. Не слышала даже храпа Леи. Что там у старого злодея?

— У Веторма? Сама видишь, трудится нынче, представляя эскорт для караванов неветских купцов. Платят порядком, дают еду и процент от прибыли. К тому же — скучная работа, словно кишки в масле.

— Хотелось бы и мне порой так поскучать. Без обид, кха-дар.

Тот чуть улыбнулся.

— Я тебя прекрасно понимаю, девушка. Но... служить людям, которые и дня не провели под голым небом, но говорят тебе, куда ехать, как быстро, с кем биться — и даже когда слезать с коня? Ну, скажи-ка сама.

Он демонстративно передернулся.

— Я проведал твоего коня. Выглядит лучше, но ногу я осмотреть не сумел, скотинка даже на меня зубами щелкает. Тебе бы с ним поговорить, объяснить, кто здесь командует.

— Я пытаюсь, кха-дар, пытаюсь каждый день, но он все еще считает, что пуп вселенной — это кони.

Он улыбнулся и отправился по своим делам. Кайлеан же пошла к хозяйственным пристройкам.

В конюшне было пусто. Торин приветствовал ее благодушным пофыркиванием. Она погрозила ему пальцем:

— Ты снова ведешь себя словно дикарь. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не пытался кусать людей из нашего чаардана?

Он фыркнул снова, чуть менее благодушно.

— Никаких «но». — ласково похлопала она его по стройной шее. — Последние три дня ты был молодцом. Я тобой горжусь.

Он игриво толкнул ее башкой, едва не опрокинув.

— Да тихо ты... — Она склонилась над его обмотанной полотном бабкой. — Лучше покажи ногу.

Опухоль явно спала. Мазь творила чудеса.

— Ну, сегодня ты еще бегать не станешь, а вот через день-другой начнем прогулки.

Она проверила, полны ли ясли овса и есть ли в поилке свежая вода. Все было в наилучшем порядке.

Выходя, она снова столкнулась с командиром. На этот раз рассмотрела его куда внимательней: кавалерийские штаны, сапоги из лучшей телячьей кожи, темно-красный бархатный кафтан, из-под которого отсвечивала белизна рубахи. Кафтан затянут тяжелым, посеребренным поясом, на котором, как видно для контраста, висел длинный прямой меч в простеньких ножнах.

— Сватаешься, кха-дар?

Он отогнал ее взмахом руки.

— Иду к гендорийцу торговаться за тех лошадок, что мы отбили. Это ведь был его табун. Старый хитрец попытается откупиться сеном. А по дороге у меня еще одно дело.

— Ага. До полудня есть что делать? Я бы провела семью.

— Иди.— бросил он коротко.— Скажи Анд'эверсу, что будет работа для кузнеца.

— Скажу...

Внезапно она заметила, как из противоположной конюшни выходит Кошкодур, ведя сивого коня с уздой, украшенной серебром, и снаряженного будто в дорогу. Даже меч и щит приторочены к седлу. Два других коня стояли рядом. Трое верховых с черными лентами, вплетенными в гривы. Она сдержала стон.

— Авейн?

— Да, дочка. Сегодня ночью.

Где-то внутри нее отозвался стыд. Один из ее друзей умирал, а она спала как ни в чем не бывало. Даже не попрощалась с ним.

— Он не приходил в себя.— Казалось, Ласкольник читал ее мысли.

— Кха-дар.— заколебалась она.— может, в амрех пойду я? Будет порядком слез и криков. Люди ведут себя иначе, когда рядом женщина.

